В. Б. ЭДЖЕРТОН

ЗНАКОМСТВО ФОНВИЗИНА С ЛАБЛАНШЕРИ В ПАРИЖЕ

На фоне в общем отрицательного впечатления о Франции, которое сложилось у Д. И. Фонвизина за шесть месяцев, проведенных им в Париже в 1778 г., разительным исключением является один эпизод. Это было полученное им приглашение посетить еженедельные собрания — «Rendes-vous de la république des lettres et des arts». В письме к своей сестре 30 апреля 1778 г. он сообщает об этом приглашении в весьма восторженных тонах: «Сегодня открылось в Париже собрание, называемое: Le rendez-vous de la république des lettres et des arts. Господа ученые почтили меня приглашением, и я после обеда туда еду. Они хотят меня своим корреспондентом. Бог ведает, кто-то им сказал, будто я русский un homme des lettres. Сам директор сего собрания у меня был, и комплиментам конца не было».[1]

Спустя три месяца Фонвизин снова писал об этой организации: «Они, услышав от Строганова, Барятинского и прочих, что я люблю литературу и в ней упражняюсь, очень меня приласкали, даже до того, что в заведенное нынешним годом собрание, под именем Le rendez-vous des gens des lettres, прислали ко мне инвитацию, так же как и к славному Франклину, который живет здесь министром от американских соединенных провинций. Он, славный английский физик Магеллан и я были приняты отменно хорошо,

---

[1] В двухтомном собрании сочинений Д. И. Фонвизина (М.—Л., 1959, т. 2, стр. 443—449) это письмо датировано месяцем («Париж, апрель, 1778 г.»). Однако благодаря содержащимся в самом письме указаниям его дату можно установить точно. Фонвизин упоминает о состоявшемся «вчера» собрании Академии наук, на котором присутствовал Вольтер, и говорит, что «Rendez-vous de la république des lettres et des arts» открылось «сегодня». Собрание Академии происходило 29 апреля, а собрание République des lettres et des arts — 30 апреля. Эта дата подтверждается и экземпляром отпечатанного типографским способом приглашения от имени Лабланшери, которое было обнаружено в архиве Франклина (Американское Философское общество в Филадельфии). Очевидно, точно такое же приглашение получил и Фонвизин.

даже до того, что на другой день напечатали в газетах о нашем визите. Вы увидите в газете имя мое, estropié по обычаю, и посмотрите, сколько в Париже вседневных забав. Я имел удачу понравиться в собрании рассказыванием о свойстве нашего языка, так что директор сего собрания, La Blancherie, один из мудрых века сего, прислал ко мне звать и в будущее собрание. Я посылаю его письмо, чтоб ты видела, в каком почтительном тоне ученый народ со мною обращается».[2]

Кроме этих двух мест в фонвизинской переписке и краткой газетной статьи в «Journal de Paris» от 21 июня 1778 г., которую, по всей вероятности, и имеет в виду Фонвизин в цитированном выше письме,[3] никаких других упоминаний об отношениях Фонвизина и Лабланшери и о связи Фонвизина с Rendez-vous de la république des lettres et des arts нет.

Ограниченность сведений не помешала, однако, ученым признать чрезвычайную важность этого эпизода. Так, в 1848 г. П. А. Вяземский писал, что Фонвизин «имел почесть и удовольствие быть принятым в одно вновь заведенное общество вместе с Франклином. Одна подобная встреча должна б была примирить Фонвизина с Парижем и Просвещением; в этом центре сблизилось то, что разделено было природой, и представитель юного Просвещения России был собеседником с представителем юной Америки. В лице их два новые мира сошлись в виду старого, как высокие предвещания, что есть еще много грядущего в судьбе человеческого рода».[4]

Профессор Ленинградского университета Г. П. Макогоненко следующим образом комментирует второе письмо Фонвизина относительно общества Лабланшери: «Здесь все замечательно. Общество французских писателей, каждый из которых чувствует себя общественным деятелем, лицом, способным своим словом служить и приносить пользу народу, приглашает на свое собрание Франклина, который был не только министром республики, но и писателем, философом, книгоиздателем, ученым, добивается приезда Фонвизина — русского писателя и уже потому и политического деятеля ... Примечательно здесь и упоминание, что об этой встрече представителей России и Америки немедленно сообщили газеты».[5]

Кто же, собственно, был Лабланшери и каково было действительное значение организации, участвовать в которой он пригласил Фонвизина? Изучение довольно скудного материала, который имеется в нашем распоряжении, в том числе тринадцати неопубли-

---

[2] Д. И. Фонвизин, Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1959, стр. 450—451.

[3] См.: Г. П. Макогоненко. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.—Л., 1961, стр. 184—185.

[4] П. Вяземский. Фон-Визин. СПб., 1848, стр. 141. — Цит. по кн: Г. П Макогоненко. Денис Фонвизин. Творческий путь, стр. 184.

[5] Там же, стр. 183.

кованных писем Лабланшери к Вениамину Франклину, дает возможность не только ответить на этот вопрос, но и показать, что Лабланшери прилагал немалые усилия, стремясь познакомить Францию и другие европейские страны с Россией.[6]

Из документов, к сожалению, явствует, что в глазах общества Лабланшери отнюдь не был, если воспользоваться словами Фонвизина, «одним из мудрых века сего». Его детище, «Rendez-vous de la république des lettres et des arts», также не обладало неоспоримым престижем, в котором, по всей видимости, был убежден Фонвизин. Даже то самое собрание 19 июня 1778 г., на котором Фонвизин присутствовал вместе с Вениамином Франклином и о котором «Journal de Paris» опубликовал заметку, почти наверняка написанную самим Лабланшери,[7] было увековечено автором знаменитых «Тайных мемуаров» («Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France») в следующих не слишком лестных выражениях:

«Rien de plus plaisant que l'importance que mettent ici à leurs petits projets nos faiseurs de spéculations. Un Sieur de la Blancherie a imaginé une Correspondance générale sur les Sciences, la Littérature, les Arts et la Vie des Gens de Lettres & des Artistes de tous les pays, et il se propose d'en publier tous les détails par quinzaine, sous le titre de *Nouvelles de la République des Lettres et des Arts*. Il tient aussi des assemblées hebdomadaires indiquées sous le nom de *Rendez-vous de la République des Lettres*.

«Or, qu'est ce que cet Agent général des Savans, des Gens de Lettres, des Artistes & des Etrangers distingués? Un jeune audacieux qui n'est connu par aucun talent. Où tient-il ses assemblées? Dans un galetas du Collège de Bayeux, où il n'y a pas même de chaise & où il

---

[6] Из полнейшего забвения имя Лабланшери извлек в 1864—1865 гг. Эмиль Беллье де ла Шавиньри (Emile Bellier de la Chavignerie), который напечатал о нем обширную, доброжелательную статью под названием «Несправедливо забытые деятели французского искусства XVIII века» («Revue Universelle des Arts», XIX—XXI). Эта статья послужила основным источником информации для немногих исследователей, упоминавших о Лабланшери в последующие годы. Все письма Лабланшери к Вениамину Франклину находятся в Филадельфии; семь хранятся в библиотеке Американского философского общества, остальные шесть — в библиотеке Пенсильванского университета.

[7] Цитаты из этой заметки, приведенные в книге Г. П. Макогоненко «Денис Фонвизин. Творческий путь» (стр. 184—185), показывают, что она была написана от первого лица, с позиций человека, тесно связанного с обществом Лабланшери, и в свойственной самому Лабланшери литературной манере. Постоянное стремление Лабланшери к саморекламе при его жизни давало повод к нелестным комментариям. Один из враждебно настроенных современников, замечая, что Лабланшери сумел протащить свои статьи на страницы «Courrier de l'Europe», писал: «...<il> ... s'est fait prôner sans relâche dans toutes les gazettes étrangères et nationales» («Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la république des lettres en France depuis 1762 jusqu'à nos jours», 36 vol., London, 1777—1789, XVIII, 10 декабря 1781 г.; XXI, 28 октября 1782 г. и 17 ноября 1782 г.).

faut rester debout depuis trois heures jusqu'à dix du soir que durent ses séances. Enfin, qu'y fait-on? On y cause comme dans un Caffé, d'une façon plus incommode seulement. Qu'y voit-on? Des choses qu'on trouveroit chez les Artistes & qui y seroient encore mieux, parce que ce seroit chaque jour & à toute heure. Où sont ses Correspondances? Dans un gros livre, dans lequel il a écrit les adresses de quelques Savans ou Artistes étrangers qu'il a apprises. — Quant à son Journal, on reçoit bien l'argent pour les souscriptions, mais rien ne paroît.

«Malgré l'approbation que L'Académie des Sciences, on ne sait pourquoi, a jugé à propos de donner à ce projet le 20 Mai, sur le rapport de M. M. Franklin, le Roi, le Marquis de Condorcet & Lalande, on peut assurer par expérience que c'est jusques à présent l'idée la plus folle, la cotterie la plus platte et la correspondance la plus vuide».[8]

В тридцати шести томах «Тайных мемуаров» за время с 19 июня 1778 г. по 21 ноября 1786 г. мы находим не менее двадцати пяти упоминаний о Лабланшери, и все они носят столь же пренебрежительный характер, как только что приведенный отрывок.

Более сдержанный отзыв был помещен в номере журнала «Correspondance littéraire, philosophique et critique» Гримма и Дидро за май 1778 г. Общий смысл идей и проектов Лабланшери оценивается там положительно, но вместе с тем говорится, что сам Лабланшери в такой же степени лишен таланта и способности рассуждать здраво, в какой он исполнен тщеславия, самоуверенности и ни с чем не считающегося упрямства в достижении своих личных целей.[9]

Маммес-Клод Паэн (Mammès-Claude Pahin), принявший впоследствии имена Шамплен (Champlain) и де Лабланшери (de la Blancherie), родился в потомственной судейской семье в Лáнгре 29 декабря 1751 или 1752 г.[10] Юношей он некоторое время жил в Вест-Индии, у богатого дядюшки, и два года провел в Филадельфии, где его опекуном был некий Сэмюэль Миффлин. Он много путешествовал и усердно учился английскому языку.[11] Возвратившись домой, он воспротивился настояниям матери, желавшей, чтобы сын поступил на государственную службу или по примеру предков избрал профессию юриста.[12]

---

[8] Bauchamont. «Mémoires secrets», XII, 19 июня 1778 г.

[9] «Correspondance littéraire, philosophique et critique» par Grimm, Diderot, Raynal, Meister, etc., éd. Maurice Tourneux, XII, Paris, 1880, стр. 101—103.

[10] Все биографические источники, включая и статью Беллье де ла Шавиньри, указывают 1752 год, но сам Лабланшери писал в проспекте своего печатного органа («Les Nouvelles de la république des lettres et des arts», Paris, 1777, стр. 71), что он родился 29 декабря 1751 г. Это подтверждается и словами Шавиньри о том, что Лабланшери умер, имея отроду пятьдесят девять лет (25 июня 1811 г.).

[11] См. письмо Лабланшери Вениамину Франклину от 14 сентября 1778 г. (Библиотека Американского философского общества в Филадельфии).

[12] Письмо Софи Канне (Sophie Cannet): Lettres de Madame Roland. I. Ed. C. A. Dauban, Paris, 1867, p. 475.

Примерно в 1773 г. Лабланшери познакомился с необыкновенной девушкой — Мари-Жанной Флипон, дочерью парижского гравера, которой в то время было девятнадцать лет и которой суждено было впоследствии выйти замуж за Жана-Мари Ролана де Лаплатьера и сыграть видную роль в среде жирондистов в годы Французской революции. Она окончила жизнь на гильотине в дни террора, в 1793 г., и ее последние слова стали крылатыми: «О свобода, сколь много преступлений творится твоим именем!».

Распространенное мнение о том, что Лабланшери был всего-навсего надутой посредственностью, можно было бы опровергнуть очень сильным доводом в пользу этого человека: ведь почти четыре года он безраздельно царил в сердце такой незаурядной девушки, как Мари Флипон. Историю ее любви к Лабланшери можно проследить буквально день за днем — по письмам к приятельницам, Софи и Анриэтте Канне, и по знаменитым мемуарам, которые она писала в тюрьме во времена террора. Будучи страстной поклонницей Руссо, Мари Флипон тянулась к Лабланшери — их сближала общность взглядов на жизнь. «Je n'ose pas juger ce jeune homme, parce qu'il me ressemble trop», — писала она своей подруге Софи.[13] «Son ambition est d'être utile, et c'est une belle passion», — писала она в другом письме. Однако, добавляла Мари Флипон, — и эти ее слова оказались пророческими, — «on peut dire de lui qu'il est du nombre de ceux qui, se sentant de l'âme et du talent, ne peuvent prendre bien des états par délicatesse, et qui s'eloignant, par des vues peu ordinaires, des routes frequentées, parviennent beaucoup ou ne font jamais rien: le dernier cas est le plus commun».[14]

Лабланшери официально просил руки Мари Флипон у ее отца, не утаив при этом, что намерен с помощью приданого жены сделать карьеру юриста. В душе Мари романтическая страсть к юноше, разделявшему, как она полагала, ее идеалы, боролась с трезво-буржуазными опасениями относительно того, сможет ли он прокормить семью; в конце концов победил голос рассудка — предложение было отвергнуто. Месяцев восемь спустя Мари узнала, что была лишь одной из нескольких богатых наследниц, за которыми одновременно ухаживал Лабланшери. . .[15]

Все данные свидетельствуют о том, что Лабланшери, скорее всего, был неспособен по-настоящему любить кого бы то ни было, кроме самого себя. Весьма средний талант соседствовал в нем с огромным тщеславием, непомерным честолюбием, толстокожим упрямством в достижении личных целей, которое заставляло его забывать всякий такт в отношениях с людьми. К тому же он был лишен чувства юмора, но обладал способностью к самообольщению

---

[13] Там же, стр. 303.
[14] Там же, стр. 251.
[15] Письмо Софи Канне от 25 июня 1776 г.: там же, стр. 394—396; см. также: Mémoires de Madame Roland, II. Ed. Cl. Perroud, Paris, 1905, стр. 234—236.

и был убежден, что бескорыстно служит человечеству, в то время как его действия преследовали чисто эгоистические цели.

Идея, одушевлявшая еженедельные собрания Лабланшери, его журнал и его деятельность в качестве «генерального агента» («Agent général de correspondance pour les sciences et les arts»), была сама по себе замечательной и для своего времени передовой. Собрания и выставки, которые он устраивал, породили многочисленные подражания;[16] его мечта о том, чтобы ученые и деятели искусства разных стран находились в постоянном контакте друг с другом, по сути дела предвосхищала те многочисленные библиографические издания, международные научные и писательские организации, которые мы сегодня воспринимаем как нечто само собой разумеющееся. И тем не менее проекты Лабланшери в конечном счете потерпели крах по двум причинам: во-первых, из-за того, что у него было мало сил; во-вторых, из-за его эгоистичности и тщеславия.

Даже в 1777 г., опубликовав на 79 страницах проект своего «Учреждения» (под этим названием Лабланшери объединял все, что возникло по его инициативе), он выставил себя в смешном виде, когда присвоил претенциозный титул — «Agent général de correspondance pour les sciences et les arts». На страницах еженедельника «Nouvelles de la république des lettres et des arts», который Лабланшери начал наконец издавать 9 февраля 1779 г. и который с двумя значительными перерывами выходил до 26 декабря 1787 г.,[17] постоянно фигурирует «Monsieur l'Agent général», и многие упоминания о нем звучат столь напыщенно, что приходится удивляться, как сам Лабланшери не замечал их комизма.

Вениамин Франклин сыграл в жизни Лабланшери безусловно важную роль — он помог только что возникшему «Учреждению» завоевать известную поддержку; однако не имеется никаких данных о том, чтобы Франклин посещал собрания Лабланшери после того раза, когда он встретился там с Фонвизиным. Из письма Лабланшери Франклину от 2 июля 1778 г. становится ясно, что он вызвал недовольство своего адресата, попытавшись использовать их знакомство для того, чтобы занять денег у хозяина дома, где жил Франклин. Этот эпизод явился поворотным пунктом в их

---

[16] «On est inondé de plus en plus d'annonces des fondateurs de musées, qui fourmillent depuis deux mois» («Mémoires secrets», XXI, 17 ноября 1782 г.). «Tandis que M. Brissot de Warville établit à Londres un Lycée ou Assemblée et Correspondance pour la réunion et communication des Gens des Lettres de tous les pays, avec le Tableau périodique de l'état actuel des Arts et des Sciences en Angleterre, l'établissement de M. la Blancherie, qui lui a servi de modèle, s'écroule et tombe» (там же, XXV, 17 января 1784 г.). См. также: XVIII, 10 декабря 1781 г.; 3 января, 17 февраля и 22 апреля 1782 г.

[17] Единственный известный нам (и то неполный) комплект «Les Nouvelles de la république des lettres et des arts» находится в Национальной библиотеке в Париже. Микрофильм этого комплекта есть в США, в библиотеке Американского философского общества в Филадельфии.

отношениях. Из семи писем, которые Лабланшери после этого отправил Франклину, шесть содержат льстивые попытки уговорить его вновь почтить собрание своим присутствием.[18] «Aurions-nous eu le malheur de vous déplaire?» — спрашивает он в одном письме. «Il y a si longtemps que je n'ai eu l'honneur de vous voir présider notre assemblée!» — пишет он в другом. В январе 1779 г. Лабланшери послал Франклину два письма с просьбой посетить первое собрание в новом году, а позднее написал третье, где выражалось сожаление по поводу его отсутствия и вновь высказывалась надежда увидеть его на ближайшем собрании.

Приглашение, которое получил Фонвизин, говорит не только о том, что Лабланшери стремился привлечь на свои собрания любого оказавшегося в Париже знаменитого иностранца, — оно свидетельствует о вполне, по-видимому, искреннем интересе к России. Можно лишь приблизительно предположить, с кем еще из русских Лабланшери был знаком лично. Если верить Фонвизину, Лабланшери был каким-то образом связан с князем Иваном Сергеевичем Барятинским — русским послом во Франции в 1773—1785 гг. — и с графом Александром Сергеевичем Строгановым. Он довольно близко знал также князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского, — тот даже подарил ему свой портрет, который Лабланшери демонстрировал на одном из своих собраний, получив известие о назначении Белосельского советником посольства при саксонском дворе.[19] Среди первых опубликованных в новом журнале материалов (в 1779 г.) была переписка с доктором Антонио Нуньесом Рибейро Санчесом, бывшим лейб-медиком русской императрицы.[20] В своем письме к доктору Санчесу Лабланшери объясняет возникновение своего «центра корреспонденции» тем, что он столкнулся с большими трудностями, когда пытался — тщетно —

---

[18] В седьмом по счету из этих писем (от 14 сентября 1778 г.), которое Лабланшери написал почему-то не на своем родном французском языке, а на сильно галлизированном английском, он ни словом не упоминает о своих собраниях. Вместо этого он распространяется об уважении и дружеских чувствах, которыми он проникся к Америке за два года, проведенных в Филадельфии, сетует, что по возвращении домой не мог найти работы (событие *по меньшей мере пятилетней давности!*), и *просит Франклина подыскать ему* какое-нибудь занятие. Тут же он добавляет, что если Франклин и Соединенные Штаты откажутся от его услуг, он немедленно переедет в Лондон — столицу страны, которая в то время была врагом как Соединенных Штатов, так и Франции (письмо хранится в библиотеке Американского философского общества в Филадельфии).

[19] «Les Nouvelles de la république des lettres et des arts», № 21 (6 июля 1779 г.), стр. 167 и № 29 (31 августа 1779 г.), стр. 229

[20] Там же, № 3 (9 февраля 1779 г.), стр. 13—15, и № 8 (16 марта 1779 г.), стр. 49—50. Доктор Санчес, по происхождению португалец, был автором труда: О парных российских банях, поелику споспешествуют они укреплению, сохранению и восстановлению здравия. Переведено с французского рукописания, доставленного имп. Воспитательному дому, для изд. в пользу Общества. ‹Санктпетербург›, печатано при имп. Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1779.

добыть некоторые сведения об Англии и России. Он писал: «... je m'étonnai qu'avec cette grande communication, qu'il y a entre toutes les parties de l'Europe et du monde, par une suite de l'état politique des choses, un François et un Allemand, qui s'adonnent aux sciences et aux arts, ne fussent pas en effet concitoyens, et que la *république des lettres* ne fût qu'une chimère». После этого он и занялся установлением широкой сети контактов между учеными, которая призвана была обеспечить им возможность постоянной взаимной информации.

Лабланшери объявил, что его журнал будет посылаться бесплатно любому лицу, «особенно за границей», которое согласится регулярно поставлять сведения о всех событиях в науке и искусстве своей страны. Он добавил, что эти отчеты не должны содержать каких-либо оценок или критических замечаний и что все они перед опубликованием будут представляться на одобрение посланнику соответствующей страны — «afin de prévenir tout ce qui pourroit blesser les vues du gouvernement qu'il représente». В каждом выпуске «Nouvelles» печаталось несколько таких отчетов, поступавших в основном из Англии, Германии, Нидерландов, Испании и Италии. Относительно корреспондентов Лабланшери почти никаких сведений нет. Более того, мы не можем даже утверждать, что отчеты, поступавшие регулярно из какой-то одной страны, принадлежали перу одного и того же человека.

Первая русская корреспонденция была напечатана в выпуске от 13 июля 1779 г., и в течение последующих восьми лет появилось по крайней мере еще два десятка сообщений о России. В определенные периоды, точнее — на протяжении 1783 г. и зимой 1785—1786 гг., они были особенно частыми и публиковались почти ежемесячно. Интересно отметить, что Лабланшери отводил сообщениям из России в своем журнале самое почетное место — ими, как правило, начиналась первая страница.

Неизвестно, кто был русским корреспондентом Лабланшери. Из письма Фонвизина к сестре от 30 апреля 1778 г. мы знаем, что Лабланшери предложил ему взять эту обязанность на себя; однако маловероятно, что какие-либо из этих отчетов написаны Фонвизиным. Прежде всего, в отличие от сообщений из других стран, ни одна из дошедших до нас корреспонденций не касается собственно литературы. О характере автора можно судить хотя бы по тому, что четырнадцать сообщений из двадцати одного связаны с деятельностью Российской Академии наук и новой императорской Российской Академии.

Русские материалы в журнале Лабланшери не исчерпывались корреспонденцией, поступавшей из Петербурга. Время от времени на его страницах фигурировали русские, жившие на Западе, — например, князь Дмитрий Голицын, бывший в то время русским посланником в Голландии, или граф Андрей Шувалов, чье «Послание к Нинон де Ланкло» («Epître á Ninon de l'Enclos») одно время приписывалось Вольтеру. Упоминались также приезжие

из России — например, доктор Карл-Фридрих Крузе, лейб-медик Екатерины II, которого Лабланшери торжественно представил участникам очередного собрания; появлялись заметки о книгах западноевропейских писателей, посвященных России. В одном из номеров было напечатано пространное письмо некоего безымянного русского, живущего в Париже, который осуждал смехотворные попытки Пьера Деформа передать атмосферу русской жизни в пьесе «Féodor et Lisinka».[21] Однако в целом эти разрозненные заметки не сообщали читателю ничего такого, чего он не смог бы найти в других французских изданиях той поры, и представляется вполне вероятным, что эти сообщения в числе других просто-напросто списывались из чужих журналов — в этом обвиняли Лабланшери «Тайные мемуары».[22]

В 1786 г. недовольные подписчики начали отходить от журнала Лабланшери; число недовольных катастрофически росло, и к концу 1787 г. Лабланшери вынужден был отказаться от своего «Учреждения». В январе 1788 г. он переехал в Лондон (если верить скептически настроенным «Тайным мемуарам» — спасаясь от своих кредиторов)[23] и там предпринял безуспешные попытки возродить свое общество. Позднее, в 1791 г., обнаружив (или убедив себя), что он живет в доме, где жил когда-то Исаак Ньютон, Лабланшери вдруг направил всю свою лихорадочную энергию на то, чтобы создать культ Ньютона на его родине. В 1796 г. он опубликовал на 118 страницах «Прокламацию ко всем народам» по-прежнему за подписью «Генеральный агент корреспонденции в поддержку наук и искусств», где предложил, чтобы имя Ньютон стало — наряду с именем Георг — традиционным для наследников британской короны; чтобы великие открытия в области физики, астрономии, химии и механики перелагались в стихи и пелись во всех церквах, подобно церковным гимнам — благодаря этому население могло бы ознакомиться с достижениями Ньютона и других выдающихся ученых; наконец, чтобы все официальные документы отныне датировались следующим образом: «В лето от рождества Христова такое-то и в лето от рождества Ньютона такое-то».

После провала и этой попытки Лабланшери остался доживать свои дни в Лондоне в полной безвестности, получая пенсию от английского правительства. Он умер холостяком в возрасте пятидесяти девяти лет 25 июня в лето от рождества Христова 1811 и в лето от рождества Ньютона 169.[24]

---

[21] «Les Nouvelles», № 3 (17 января 1787 г.), стр. 29—30

[22] «Mémoires secrets», XXXI, 4 февраля 1786 г.

[23] Там же, XXXIII, 21 ноября 1787 г. Беллье де ла Шавиньри, однако, пишет, что Лабланшери уехал только «ayant pris des arrangements avec ses créanciers» («La Revue universelle des arts», XIX, стр. 223).

[24] Подробности о жизни Лабланшери в Англии почерпнуты из статьи Беллье де ла Шавиньри в «Revue universelle des arts» (XIX, стр. 249—252)